

ГЛАВА 6

Темирбулат Бийбулатов

«ШАМИЛЬ»

(Историческая поэма)

Отчего сегодня солнце
запылало ярче вдруг
И живящими лучами
зажигает все вокруг?
Отчего сегодня небо
Так слепит голубизной
И развеялся бесследно
пришлых туч несметный рой?

Отчего сегодня горы
горделивые стоят
И расправился далеких
рощ великолепных ряд?
Эге-гей! Шамиль отважный
собирается в поход,
Обнажив святую шашку, –
за свободу, за народ!

На вершинах гор – мюриды;
каждый – саблей окрылен.
И далеко слышен шелест
их развернутых знамен.
От молитвы их раздались
все теснины до основ
Даже скалы камнепадом
поражают чужаков.
Вот, в лихих боях прославлен,
на возмездье тороват,
Кличет всадников в сраженье
за собой Хаджи-Мурат.
И на зов его слетелись
храбрецы, орлами став,
Перед праведным сраженьем
правый засучив рукав.

Хаджи-Мурат:

– Храбрецом слыву в народе,
но, по правде говоря,
Если храбрость – от безумства,
зря живешь и гибнешь зря.
Плоть и кость пронзает пуля,
да бессмертен подвиг твой,
Но когда проникнет в сердце
робость, знать – погиб герой.
Сердце крепится надеждой:
тверже дух и – тверже шаг,
И такую крепость вряд ли
покорить сумеет враг!

* * *

Восседает одиноко
на скале имам Шамиль
Он – в раздумии глубоко,
белый свет ему не мил.
Исподлобья озирает
он угрюмые хребты.
Стража чуткая готова
вмиг на зов его прийти.
Замер он, как изваянье,
лишь дыханье выдает

Дум и чувств его смятенье,
и клинок блеснет вот-вот.
Красен плащ, бела черкеска,
вьется по ветру чалма,
В рыжей бороде – сединки,
а в ладони – торлама*.
За спиной его – мюридов
скупчковавшихся отряд,
Из почтения к имаму
еле слышно говорят.
На их лицах – удрученность
отраженьем хмурых скал,
Поодаль стоят наибы.
Что их гложет – кто бы знал?
Кибит-Магома – заносчив,
речь надменна и пуста,
Магомед-Худанат – в чувствах,
вовсе мыслить перестал.
Зирар-Али Шикадинский
головою покачал.
Исхак Ашильтинский думал
и обиженно молчал.
Даниял-Султан затеял
что – поди-ка ты узнай!

Даниял-Султан Елисуйский:

– Тесть я Кази-Магомеду,
и как будто незначай
Стал российским генералом
(русский царь теперь – любим),
И, как знать, быть может будет
Дагестанский трон моим?!

Кибит-Магома:

– Одряхлел Шамиль заметно,
да к тому же на войне
Каждый миг погибнуть можно.
Ну-ка, покажите мне:
Кто наследник, кто преемник
Шамяля? Достояных нет.
И кому ж мы власть доверим?
Не пора ль созвать совет?

* Торлама (кум.) — бинокль, подзорная труба.

Даниял-Султан Елисейский

– Пусть наследственной будет
эта власть. Вот мой ответ.

Магомед Худанат:

– Коли так, пускай имамом
будет Кази-Магомед.

Хаджи-Мурат:

– Ха-ха-ха! Наибы, хватит
вить веревки из песка! –
Чтобы я признал имамом
елисейского зятя?!
До чего договорились!
Чем ответит вам народ,
Если отпрыск елисейский
Дагестанский трон займет?!
Нет! Пускай имамом станет
Тот, чья шашка поострей!
Тот, кто духом тверд и может
За особой вести людей.

Даниял-Султан Елисейский:

– Забываешься, молочный
брат султанов. Так и знай.
Ты не ровня мне, и всеу
титул мой не называй!

Хаджи – Мурат:

– Я с землей тебя сравняю,
печень грязную проткнув...

Кибит-Магома:

– Упокойтесь, образумьтесь
что за дрязги? Ну и ну!

* * *

Тут Шамиль очнулся, как бы
вспоминая свой удел.
Даль, подернутую дымкой,
зорким взглядом осмотрел.
И в трубе подзорной видит:
поражающий в упор,

Изготовившись к атаке,
замер у подножья гор
Сонм солдат, который, словно
смерть свою, приказа ждет.
Позади их восседают
генералов чинных сброд.
Перед каждым – снесь и водка,
как на празднестве стоят,
И глотнет слюну украдкой
заглядевшийся солдат,
Встал Шамиль. Прочел молитву...
все как вымерло кругом.
Вдруг его раздался голос,
точно выстрел, точно гром.

Шамиль:

– Русский царь нас притесняет
в отчет крае целый век,
Но не враг нам угнетенный
бедный русский человек,
Силой отданный в солдаты,
силой загнанный сюда.
В чем вина его – не вижу,
знаю – нет над ним суда.
Кровь его течет водицей
в нескончаемых боях,
Офицеры ж пустоцветом
от нее растут в чинах.
Вот кто враг наш. Враг заклятый.
Он сродни тому, кто здесь
Угнетал народ когда-то –
кто не помнит ханов спесь?!
Царь велик своим народом –
не царем велик народ.
И ничтожным станет тот, кто
свой народ на смерть пошлет.
Нет величия такого,
чтобы тесен был тебе
Край твой, будь хоть с ноготок он,
Кто предьявит счет судьбе?
Кровожадный, ненасытный
И зарвавшийся глупец.

Сколько б ни загреб земли он, –
горсти хватит под конец.
Русский царь прибрать мечтает
каждый маленький аул, –
И полки свои в нагорье,
Как ручища, протянул.
Топчет он десятилетия
Наши пашни и сады,
Наших жен, детей и старцев –
всех поверг в золу и дым!
Отдышался сил набрался.
посмотрите-ка: опять,
Сколько сел сравнив с землю,
Не желает отступить!
Женщин наших – на забаву,
на расправу – всех мужчин
Разве мы ему уступим?
разве он здесь господин?
Из могил глядят с надеждой
Наши дети и отцы,
И доносится завет их
из глубин – во все концы:
«Вы наследники свободы,
Все богатство ваше – в ней.
В Дагестане нет другого,
но оно – всего ценней!»
Кроме этого наследства
детям нечего нам дать.
Не отступим, не уступим,
Не дадим его топтать.
Дагестанские герои,
вам рабами не бывать!
Женщин, честь хранящих нашу,
мы в обиду не дадим...
И в ответ ему раздалось:
«В бой! Веди, Шамиль, веди!»

Хаджи-Мурат:

– Пусть в пожаре газавата
суждено всем нам сгореть –
Но останется свобода!
перед ней отступит смерть.

Кибит-Магома:

– За тобой, имам, готовы
мы идти на первый зов!
Мы – мюриды. За свободу
мы умрем без лишних слов!

Магомед Худанат:

– Прикажи, имам, и тотчас
разобьем мы вражий стан
Пожалеют генералы
о приходе в Дагестан!

Муртазек:

– Горечь рабства муртазеки
знают, потому, имам,
Чистой верности джихаду
слово твердое я дам.

Зирар-Али:

«Жизнь – стремление к свободе», –
скажит истинный джигит,
Потому его издревле
злая сила не страшит.
Не бывать царю над нами!
Гнет его мрачнее мглы:
Над собою только солнце
стерпят горные орлы!

Первый Мюрид:

– Где он, верный путь к свободе, –
скажет шашки острие;
Лучше головы мы сложим,
чем оружие свое!

Второй Мюрид:

– Разве зря на нас папахи,
а в руках свистят клинки?!
Если и грянет правый бой – мы
на подъем всегда легки.
Хоть от пуль не уязвимы, –
только ранят насмерть нас

Жен мольбы и плач детишек,
мы – твой верный щит, Кавказ!

Исхак:

– Дагестан! Твою свободу
не дадим мы в грязь втереть.
Смерть насильникам народа,
генералам вражьи́м смерть!

* * *

От воинственных призывов
содрогаются хребты,
И, ползущие по склонам,
вражьи дрогнули ряды.
И пошли вершить отряды
величавый ратный труд,
И знамена газавата
Шумно по ветру плывут.
Оттого сегодня солнце
запылало ярче вдруг
И живящими лучами
зажигает все вокруг...
Оттого сегодня горы,
словно воины стоят, –
Вящей зеленью трепещет
рощ величественный ряд.

С кумыкского.

Тажутдин Чанка

НА СМЕРТЬ ИНКВАЧИЛАВА

Я выдохну горечь свою на бумагу, –
Не строки, а нервы ее испещрят,
И племя, родившее в скорби отвагу,
Быть может, проснется от страшных утрат.
...В беде мой народ: кто спасти его сможет?
Смогу ли сказать, что строкой его спас? –
Она – ожерелья любого дороже,
В ней каждая буква тверда, как алмаз.
О, как я хочу, чтоб бальзамом на рану
Легли эти строки страдающим всем,
И чтобы, как гимн моему Дагестану,
Их пели, и сердце утешили тем!
Кяфир побеждает в неправедном деле
(Пусть этой победе шайтан будет рад), –
Нам выжечь ислам из сердец не сумели,
Хоть наши алимы в могилах лежат,
...Расплавилась горы – столпы мироздания –
От огненной лавы, но орды врагов
До этого дня не слышали рыдания,
А скалы стонали до самых основ!
Вода испарилась в озерах и реках,
Лишь влага стекает из слепнущих глаз,
И нам остается омыть человека
Слезами в последний земной его час.
На все – воля Бога,
и коль в Дагестане
На сабле дибира – чужая печать,
Мы траур объявим в кровавом тумане.
А может быть, вновь напоследок восстать?
Рыдайте над этой эпохой братья –
В отечестве тесно от наглых гостей.
И кто нас поднимет? Пустое занятие,
Когда из-под плит не поднимешь вождей.
Рыдайте, сироты, мы все обнищали,
И некому больше платить закат.
Совиные тени на лица упали
И кладбищем стал каждый благостный сад–

Уже развалились хунзахские стены,
Кремневки героев висят на гвоздях.
Повсюду пороки, повсюду измены!–
Будь в трауре вечном, злодей- падишах!
Аллах! На Земле твой нарушен по рядок,
Блюстители ей предпочли небосвод,
И ныне пришел Дагестан мой в упадок,
Покинул Архангел-хранитель народ...
Зола в каждом округе траурной шалью
Покрыла зеркала истоков святых.
Прославивший родину духом и сталью
В священной Медине навеки утих.
... Оплакать готов одного офицера
Царь белый, а тыщи солдат– не в расчет!
Какие же движут им право и вера,
Когда за народом он губит народ?!
Своим ли, чужим ли – погибшим героям
Не выкажет Царь состраданье и честь,
И с каждым его триумфальным разбоем
Тускнеет на гордой груди его крест.
Будь проклята сабля предателя.. Сам он
Пускай же согнется от царских погон.
На злато сардара купи себе саван,
Продажный изменник, добыча ворон.
... Ликуйте, враги, набирайтесь силёнок,
Ваш новый правитель напутствует вас.
А в горнем гнездовии ждет соколенок,
Уже оперившись, взлететь он горазд!
Я брови от боли и ярости сдвину,
Со страхам шепча:

«Не сойти бы с ума!»

Скорбит государство хунзахцев, и сыну
Не мил этот свет, не мила эта мгла.
Как будто внимая неслышным советам,
Халун меж надгробных скитается глыб:
«Ни смысла, ни сил, чтобы жить в
этом мире
Я не нахожу, если лучший погиб!»
Теперь в запустеньи душа и обитель,
И юноша каждый погиб, как герой!
... Ушел от людей справедливый правитель,
И в степь ускакал аргамак вороной.
Он только твоей подчинился команде,

Для нас же он неуловимый, как дым.
Оружье твое, что висит на веранде,
Зятьям твоим будущим мы раздадим.
...В долинах твоих, благодатных нагорьях,
В полях, где за овцами не уследить,
Ты часто скитался, не знающий горя.
Воскресни на миг – это все огляди!
Не славу твою, а поля твои делят
(От жадности этой злорадствует враг!)
Когда б они искорки высечь сумели
Клинками – зажегся б во мраке чираг.
Ты жизнь укреплял взмахом праведной сабли,
Берег от никчемных боев молодежь,
Когда ж соколиные стаи ослабли
Ты их подвигал, как боец и как вождь.
От злой, небывалой, свалившейся были
Народ мой был памяти гордой лишен,
Когда же хафизы рассудка лишились,
Ты суры читал под стальной перезвон.
Все здесь повторится,

не ново, не ново
Ничто на Земле, кроме честных побед!
И было твое несравненное слово
Для чохских наибов, как добрый совет,
Тебе провиденье уздечку вручило,
Чтоб мир норовистый ты смог обуздать, –
Он несся по кручам, сгорая от пыла,
Теряя свою грациозность и стать.
Все то, что задумывал ночью, без страха,
К утру совершал ты под огненный шквал.
Познал в совершенстве законы Аллаха
И, став совершенным, ты их соблюдал.
Ты пленников русских ласкал, как детишек,
Наибов чаушами гнал ты в народ,
Нужду никогда не менял на излишек, –
В день Судный Аллах тебе это зачтет.
Телят поручая всем пленным послушным,
Послал их пасти в благодатных полях.
«Пусть в небе седьмом их сливаются души» –
Мы молим тебя, Милосердный Аллах!
Ты шел не за званьем на бранное поле,
Имама наиб!
Ты теперь – где ни зги,

В земле, за которую кровь свою пролил,
Стал прахом – ликуйте, ликуйте враги!
Уздечку тебе провиденье вручило,
Но век наш разбился, хоть был ты и прав.
Наверно, сноровки и сил не хватило
С тех пор, как скончался Доногололав.
Засыпан землею дибир и разрушен
Ислам без поддержки алимов святых!
Мы верим и знаем: их чистые души
Спасут от врагов и от веяний злых.
...Погиб, словно лев, ты на поприще бранном,
И песнь о тебе сочинит Дагестан;
Над веком моим, над моим Дагестаном,
Как траур, навис непроглядный туман.
Загублены ветрами севера яства,
Оплакала смерть на мавлиде семья.
Ушел ты, оставив народу богатство, –
То смелость и честность, и слава твоя!
Останется вечно в Аварии память
О тех, кто святыни ее берегут.
Тебя завернули не в саван, а в знамя,
Которое свет затмевало врагу.
Надгробный твой камень – для мира опора,
А сам ты, как клад, под тяжелой плитой...
И пусть назовут это блажью и вздором –
Народ твой мечтает о встрече с тобой.
...Уздечку вручил тебе Бог при народе
Не для облегчения, а для труда,
И как бы не несся наш век-иноходец,
До цели своей доходил ты всегда!
...Обслуга царя разводила руками,
Когда ты, отставки потребовав, смолк.
И в Мекке, коснувшись священного камня,
Исполнил последний предписанный долг.

Земные пласты, точно море в волненьи:
Наверное, рады до самого дна
Тому, что сокровище им на хранение
Доверил Всевышний до Судного дня.
...Во мгле, вопреки предписаньям Аллаха
Смущенно молчат и Харут, и Марут.
Еще бы! Ведь в этой обители праха
Наследник пророка нашел свой приют!

С аварского.

Али-Хаджи Инхоса*

* Выдающийся дагестанский поэт и богослов практически не известен русскоязычным читателям. Вышло в свет лишь несколько тоненьких сборников его произведений, которые не отражали сути и духа его творчества. Между тем, он автор многих поэм и переложений, (таких, как «Взятие Мекки»), в которых осмысливаются достижения исламской культуры. В свое время Али-хаджи из Инхо встречался в Мекке с имамом Шамилем, написал об этом стихотворение. Восторженно встречали поэта, возвращавшегося из хаджа через Стамбул, его тамошние соотечественники, которым он декламировал свои произведения. Стихотворение «Седой волос», перевод которого мы сегодня впервые публикуем, было переведено на турецкий, а с него на французский язык и опубликовано в Париже.

СЕДОЙ ВОЛОС

I

К кротости сердце свое я за век приучил,
Но добела на висках накалилось терпенье.
Плоть от людей свою прячу, лишённую сил,
А седину утаить – бесполезное рвенье.
...Годы бегут все быстрее. Они – жернова
Промысла горнего строгого к нам небосвода.
Тело стареет и сохнет, как в поле трава,
Сердцу года не указ, если сердце свободно
Впрочем, что проку от сердца, когда ты на вид
Немощный старец. Признай, что дела твои плохи.
Гордая выя спины твоей не распрямит,
Если согнулся хребет от поклажи эпохи.
...Здравствуй, незванный пришелец, мой волос седой!

Первая ниточка савана, будет вас много.
Белый клубок над несчастной моей головой
Страх разматывает, а грех ли бояться итога?
Легким движеньем моих ты коснулся бровей,
Щеки поспешно погладил при встрече короткой,
Жаркую грудь обласкав, прошептал:

«Не робей»,–

Верно, меня перепутал с доступной красоткой.
Знаю, что движет тобою не страсти порок
(Разве что этим могу свое середе облегчить),
Пробил мой час. Ты явился в означенный срок,
Вот и грущу, не готовый к предписанной встрече.
Совестно душу в корыстной раскрыть простоте,
Страшно оставить земную юдоль в запустеньи.
Пусть же любимой и друга лишаются те,
Кто от неожиданных гостей не скрывает презренья.

II

Филин мистический, облюбовавший руины,
Ты, кто плодиться привык там, где затхлость и ил,
Строгие мысли мои от сомнения взмыли
После того, как гнездо надо мною ты свил.
Изгнан тобою хранитель мой, ворон мой черный,
И по лицу моему проползла его тень.
И ни о чем мне отныне ни свары, ни своры,–
Значит ли это, что близится Судный мой день.
Так на моей голове приземлились невзгоды–
Филин ли, снег ли – об этом мне знать не дано.
Ворон взлетел, и на крыльях унес мои годы,
Может, вернется и клювом торкнется в окно?!
Горные пики – снегов вековечное ложе,
Стоит внезапно горе задрожать – и тогда
Снег сумасшедшей лавиной низвергнуться может,
Филин же не покидает навечно гнезда!
...Как по стене крепостной, в одеянии белом
Хан по челу прогулялся. Чему же он рад?
Это – властитель над каждым свободным и смелым,
Он подчинил себе время и всех его чад,
Гость в цитадели моей, чем его мне приветить –
Речью ли, хлебом ли, чаем ли?
..Все это – вздор!
Это – глашатай Конца, неподкупный, как ветер, –
Он объявился, чтоб мне зачитать приговор.

С тайной угрозой в голосе гость мой неожиданный
Звал меня в братство забывшихся праведным сном:
«Временный мир сей подвластен был смертным тиранам,
Вечное царство – лишь белому хану дано!»

О СЕБЕ

Кто он, бегущий пороков и низменной брани,
Не изрыгающий рев, наподобье ослов?
Кто он, живущий в аскезе от рани до рани
И возвышающий смыслы божественных слов?
Кто он, чье сердце готово, как птица из клетки
Выпорхнув прочь, воспарить над рутинной земной
В солнечном вечном и всеочищающем свете?
Всюду приют ему есть, но очаг не согреет чужой...
Кто он, забытый, гонимый, осмеянный теми,
Чью неизбывную хворь он из плоти изгнал?
Кто он, чье имя в бреду повторяет все время
Нищий страдалец, увидевший смерти оскал?
Кто он, читающий с лиц, но молчащий учтиво
И объясняющий людям значение паствы своей:
«Сытость – слепа искони, а нужда прозорлива.
Суть не в Суде, а в избрании верных путей.
Спросишь об имени – в нем отражение нрава:
Али-Хаджи Инхуви,веряющий днесь
Мысли свои и деянья с Алибегилавом,
И потому-то мне чужды надменность и спесь!
...Грешник пугливый, меня опасаться не надо,
В адских сполохах пребудешь, иль в райском саду –
Это Всевышний решит. Я ж тебе, как услада.
Вот почему с подлецами всегда я в ладу.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ И АФОРИЗМЫ

* * *

Как монета, мозоль на ладонях твоих,
Это – высшая плата за честный твой труд.
Сторонись же стяжателей алчных и злых,
Дармовые сокровища их не спасут.

* * *

Упиваемся жизнью, что радует глаз,
Но она – приворотное зелье для нас.

* * *

Поклоняйся Аллаху, пока ты силен,
Не надейся, что в слабости будешь прощен.

* * *

Жизнь прошла. Сотворил ли святое ты дело?
...Погружается в сон ублаженное тело.

* * *

Снег на горе, над рекою туман.
Войско слепцов – в тщетном поиске власти.
Как поводырь, завлекала их хан...
Плоть погибает от пагубной страсти.

* * *

Законы Всевышнего для испытанья даны.
Обрушатся беды – не плачь и не ной.
Однажды минуют они, как кошмарные сны
И явится высшей наградой покой.

* * *

Порочное тело не слышит азана.
От жадности сед ты, о, грешный глупец!
И если бы знал ты, прислуга шайтана,
Какой тебя ждет в преисподней конец!

* * *

Минувшее спутал с мечтою,
Грехи отрицавший простак,

И выкрасил бороду хною,
А прошлое скроешь ты как!

* * *

Грешник спесивый, чему же тебя мы обучим?
Не обуздаешь коня, что несется по кручам.

* * *

Учу тебя. А кто же я?
Аллах обоим нам судья...

* * *

Напасти не бежит смиренный раб Аллаха,
Он во главу угла ее посадит в доме,
А в душу заползет – без суеты и страха
Упрячет, как письмо, от лишних взоров в томе.

* * *

Что сделает с избытком вчерашний обормот? –
На зависть небогатым лампы днем зажжет.

* * *

Не спорь с глупцом, не слышь его – все это просто шум.
Не унижает в споре тот, чей совершенен ум.

* * *

Если властен над чьей-то судьбой, ты сумей
Быть умеренным. Вот же о чем моя речь:
Перекормишь кота – не наловит мышей,
Псу похлебки не дашь – дом не станет стеречь.

* * *

На просторах Земли то найдешь без труда ты,
Что восполнит усердье твое и утраты,

* * *

Пища – песня плоти
Песня – пища сердца.

* * *

Не подличай выгоды ради, –
Останешься в нищем наряде.

* * *

Унылый, постарайся же понять:
Худая дума – тучной скорби мать.

* * *

Не разглагольствуй всюду о грехах чужих,
Ведь есть глаза, язык и уши у других.

* * *

Рабом твоим будет добро, что свершил ты для всех,
Тираном твоим обернется задуманный грех.

* * *

Свободный, или раб – не различай людей, –
Аллах тебя не спросит – сын ты чей.

* * *

Прислужник тирана – Всевышнего враг,
Смутьян и мятежник – такой же дурак.

* * *

В душе твоей – страстей правож.
Избавься – святость обретешь.

* * *

Ты бредешь, как навьюченный книгами мул,
Ты никчемными знаниями спину согнул.

* * *

Из сердца зависть изгони – ведь ты ей сам не рад:
Могущества и мужества она сильней стократ.

* * *

Когда ты ударишься в самохвалеж,
Твои добродетели примут за ложь.

* * *

Оружие – для слабых,
Язык – острее сабли.

* * *

И горстка благородных – для мира целый клад,
А скопище подонков добра не истребят.

* * *

Ни строчки из Корана не сотрешь,
И ни на букву не прибавишь ложь,
Зато Аллах с лица Земли сотрет
Того, кто не прочел его законов свод.

* * *

Как маяк на безлюдном стоит островке ваш Али,
И груженные хламом минуют его корабли.

* * *

Бросьте Землю-старуху с дарами ее – завтра это потери,
Полюбите науку, она – вечно юная пери.

* * *

Ты в голову заботы, как рухлядь тащишь в дом.
Когда ты полон знаний не думай о пустом.

* * *

О радости нежданой не извещай народ, –
Ревнивое несчастье украдкой в дом войдет.

* * *

Заблудшего направь на верный путь,
Остановить злодея не забудь.

* * *

Кто смысл постиг в моих стихах,
С гвоздей и с шей сорвет свои кресты,
А, истину найдя в строках,
Печали с сердца сможет соскрести.

* * *

Везение родит расчеты,
Умрет оно и мы сироты,
А счастье как неверная жена,
Уйдет. Но ими вся Земля полна.

* * *

В великих толпах оглашая свой устав,
Глупцы зовут великими друг друга.
А мудрецы, навек отшельниками став,

Беспомощны без избранного круга.

* * *

Один об одном, и другой же о том,
Но как их рассказы разнятся! Кто лжец?
Сомнение не страшно ведь знание – в нем.
Но если сомненьям не виден конец?...

* * *

В сокровища мира влюбиться тебе суждено.
Когда ты так жаден – создай ну хотя бы одно!

* * *

Жалкий грешник был тобою уличен и осужден.
Вспомни о своих пороках, может быть ты их лишен?!

* * *

Как из котлов, что набиты для сборищ,
Яства уходят, посуду тепля;
Жадностью ты не удержишь сокровищ,
Щедрость не сделает нищим тебя.

* * *

Не хули незнакомца хоть, он и не мил.
Может, кто-то достойный его полюбил.

* * *

Тот, у кого враги сожгли аул, уходит на чужбину.
А тот, кто совесть с честью сжег свою – испрашивает чина.

* * *

За то не беритесь, что вряд ли под силу для вас.
Сбывается все, что свершится в означенный час.

* * *

Есть закон предвечный. Он для всех един.
Мудрый раб Аллаха – лучший господин.

* * *

Не зажигай огня у глупого в груди,
Уж лучше в темноте молитву проведи.

* * *

Благополучие неожиданно пришло невесть откуда в дом;

Аллах одаривает щедро тех, кто не просит ни о чем.

* * *

Временщика хулить не вздумай – это вздор.
Твой вечный Господин рассудит этот спор.

* * *

Поводыря слепого помню, как зрячих вел он через брод.
Так убывающее знание спасти способно твой народ.

* * *

Люди хвалят – всяк свой разум,
А чужую глупость – разом.

* * *

Гонясь за прибылью, умерьте рвение.
Дар торопливости – сплошные огорченья.

* * *

Болтливой женщине не верь –
Она на рынок понесет твой разговор.
В богатство вечное не верь,
Пока не выловлен еще последний вор.

* * *

Тот, кто пыль с конем глотал, получил награды,
Кто с ослом траву жевал – ждет иной улады,

* * *

Не сакля, что добром полным полна –
Награда Господа достойная жена!

* * *

Не брани, кто к тебе с уважением стремится прийти, –
Дверь открой, только сердце держи до поры взаперти.

* * *

Тиранам нужен человек из воска,
Чтоб в их горел покаях.
Народу нужен человек из стали,
Чтоб выковать героя.

* * *

Правдивому даже тропа широка,
А лживому даже равнина узка.

* * *

Отважных не должен бояться народ,
Пусть подлый мздоимец его обойдет.

* * *

Кто взглянул – тот увидит,
Кто увидел – поймет,
Тот кто понял, познает,
Кто познал – не свернет.

* * *

Идя за добычею, в поле почили,
Хотя о спасении бога просили.

С аварского.

